

Куприн Александр Иванович

26.08(07.09).1870 – 25.08.1938

А.И. Куприн родился 26 августа (7 сентября) 1870 года в захолустном городке Наровчате Пензенской губернии. Отца своего, умершего от холеры, когда мальчику был всего год, Куприн, понятно, не помнил. В 1874 он переезжает с матерью в Москву и поселяется в общей палате Вдовьего дома.

Во Вдовьем доме (описанном впоследствии в рассказе «Святая ложь», 1914) он, по крайней мере, не был оторван от матери. Вообще в формировании личности Куприна громадную роль сыграла мать, которая в глазах ребенка безраздельно заняла место «верховного существа». Судя по свидетельствам современников, Любовь Алексеевна Куприна, урожденная княжна Куланчакова, «обладала сильным, непреклонным характером и высоким благородством». Натура энергичная, волевая и даже с оттенком деспотизма в характере, она обладала к тому же, по словам Куприна, редким «инстинктивным вкусом» и тонкой наблюдательностью.

«Расскажешь ли или прочтешь ей что-нибудь, – вспоминал писатель, она непременно выскажет свое мнение в метком, сильном, характерном слове. Откуда только брала она такие слова? Сколько раз я обкрадывал ее, вставляя в свои рассказы ее слова и выражения...»

И у шестидесятилетнего Куприна образ матери вызывает восторженные признания. В своем позднейшем автобиографическом романе «Юнкера» он не называет мать Александрова иначе как «обожаемая».

В 1876 году из-за тяжелого материального положения Любовь Алексеевна была вынуждена отдать сына в сиротское училище. Семилетний мальчик надел первую в своей жизни форму — парусиновые панталоны и парусиновую рубашку, обшитую вокруг ворота и вокруг рукавов форменной кумачовой лентой. Казенная обстановка, злобные старые девы — воспитательницы, бесшабашные сверстники — все это причиняло мальчику жестокие страдания. «Бывало, в раннем детстве вернешься после долгих летних каникул в пансион, – писал Куприн в очерке “Памяти Чехова” (1904). – Все серо, казарменно, пахнет свежей масляной краской и мастикой, товарищи грубы, начальство недоброжелательно. Пока день — еще крепишься кое-как... Но когда настанет вечер и возня в полутемной спальне уляжется, — о, какая нестерпимая скорбь, какое отчаяние овладевают маленькой душой! Грызешь подушку, подавляя рыдания, шепчешь милые имена и плачешь, плачешь жаркими слезами, и знаешь, что никогда не насытишь ими своего горя». Однако испытания, ждавшие маленького Куприна, только начинались. В 1880 году он сдал вступительные экзамены во Вторую Московскую военную академию, которая два года спустя была преобразована в кадетский корпус. И снова форма: «Черная суконная курточка, без пояса, с синими погонами, восемь медными пуговицами в один ряд и красными петлицами на воротнике».

В повести «На переломе» («Кадеты», 1907) Куприн подробно запечатлел калечащие детскую душу нравы, тупость начальства, «всеобщий культ кулака», отдававший слабого на растерзание более сильному. Десятилетний мальчик столкнулся в эту пору с несправедливостью, возведенной в закон. В его сознании нормы честности и благородства, поддерживавшиеся в семье материнским авторитетом, пришли в резкое несоответствие с царившим в гимназии правом сильного, с нелепой казарменной воспитательной системой.

Третье Александровское юнкерское училище в Москве, куда Куприн поступил осенью 1888 года, приняло в свои стены уже не тщедушного, неуклюжего подростка, а крепкого юношу, ловкого гимназиста, юнкера, без меры дорожившего честью своего

мундира, неутомимого танцора, пылко влюблявшегося в каждую хорошенькую партнершу по вальсу. Разве что «бешеная кровь татарских князей, неударжимых и неукротимых его предков с материнской стороны» («Юнкера»), толкавшая на резкие и необдуманные поступки, выделяла Куприна среди сверстников. Но такое впечатление, впечатление ординарности, было бы обманчивым, односторонним.

Детские и юношеские годы Куприна в известной мере дают материал для отыскания истоков его характерных особенностей как художника. Воспевание героического, мужественного начала, естественной и грубовато-здоровой жизни сочетается в творчестве писателя, как мы увидим, с обостренной чуткостью к чужому страданию, с пристальным вниманием к слабому, «маленькому» человеку, угнетаемому оскорбительно чужой и враждебной ему средой. Вот эта, вторая, плодотворнейшая стихия Куприна-художника восходит к впечатлениям маленького Саши, полученным в кадетском корпусе. Нужно было ребенком пройти сквозь ужасы военной бурсы, пережить унижительную публичную порку, чтобы так болезненно остро ощутить, скажем, мучения татарина Байгузина, истязуемого на батальонном плацу («Дознание», 1894), или драму жалкого, забитого солдата Хлебникова («Поединок», 1905).

Несмотря на мрачность быта в кадетском корпусе, именно там родилась настоящая, глубокая любовь будущего писателя к литературе. Среди бездарных или опустившихся казенных педагогов счастливым исключением оказался литератор Цуханов (в повести «На переломе» — Труханов), «замечательно художественно» читавший воспитанникам Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Тургенева. К этому времени и сам Куприн начинает пробовать свои силы в поэзии. Сохранилось несколько его очень несовершенных ученических опытов 1883–1887, где он вторит демократическим поэтам-восьмидесятникам. Показательна эта ориентация, несколько неожиданная для воспитанника кадетского корпуса: он ищет образцы для подражания не в казенно-патриотической лирике, а в поэзии Надсона, раннего Минского, сатире А.К. Толстого. Уже будучи в юнкерском училище, Куприн впервые выступит в печати. Познакомившись с поэтом Л.И. Пальминым, он публикует в журнале «Русский сатирический листок» рассказ «Последний дебют» (1889). Сладкий яд авторства, запах типографской краски новенького номера журнала, наконец дисциплинарное взыскание за выступление в печати — все это запомнилось навсегда, воплотилось позднее в отдельный рассказ («Первенец», 1897), стало эпизодом романа «Юнкера» и темой рассказа «Типографская краска» (1929). «Последний дебют» не обличал сколько-нибудь таланта в его авторе, таким дешевым мелодраматизмом был он перенасыщен, так трафаретны были его персонажи. И когда 10 августа 1890, окончив «по первому разряду» Александровское училище, свежеиспеченный подпоручик отправился в 46-й пехотный Днепровский полк, квартировавший в городишке Проскурове Подольской губернии, — он и сам не относился серьезно к своему «писательству».

Почти четырехлетняя служба впервые столкнула Куприна с тяготами обыденной жизни, от которой он был доселе отгорожен стенами военных учебных заведений. Показная, нарядная сторона офицерского бытия обернулась своей изнанкой: утомительно однообразными занятиями «словесностью» и отработкой ружейных приемов с отупевшими от муштры солдатами: попойками в клубе да пошлыми интрижками с полковыми «мессалинами». Однако именно эти годы дали возможность Куприну всесторонне изучить провинциальный военный быт, а также познакомиться с нищей жизнью белорусской окраины, еврейского местечка, с нравами «заштатной» интеллигенции. Впечатления этих лет явились как бы «запасом» на много лет вперед (материал для ряда рассказов и в первую очередь повести «Поединок» и многих других произведений Куприн почерпнул именно в пору своей офицерской службы). В 1893 году молодой подпоручик заканчивает повесть «Впотьмах», рассказы «Лунной ночью» и «Дознание». Ужасающие казарменные будни в Днепровском полку становятся для Куприна все более невыносимыми. Вот так же «взрослеет» в «Поединке» подпоручик Ромашов, еще недавно

мечтавший о воинской славе, но после напряженных раздумий о бесчеловечности армейской муштры, дикости провинциального офицерского существования решающий выйти в отставку.

Событием, несколько отсрочившим крепнущее стремление Куприна покинуть военную службу, было серьезное увлечение девушкой, характером своим напоминавшей Шуручку Николаеву из «Поединка». Заштатный подпоручик, с его сорока восьмью рублями жалованья, не был подходящей партией. Отец девушки давал согласие на брак лишь в том случае, если Куприн поступит в академию Генерального штаба. И вот осенью 1893 года он выезжает в Петербург сдавать экзамены. Столица встретила его неласково. Куприн сидел без денег, на одном черном хлебе, скрывая свою свирепую нищету.

«Иногда, — вспоминает М.К.Куприна-Иорданская, — он не выдерживал соблазна и отправлялся в съестную лавочку, ютившуюся в одном из переулков старого Невского, вблизи Николаевского вокзала. — Опять моя тетушка просила меня купить обрезков для ее кошки, — улыбаясь, обращался к лавочнице подпоручик. — Уж вы, пожалуйста, выберите кусочки получше, чтобы тетушка на меня не ворчала». Получив пакетик, Куприн отправлялся в ближайший трактир, где, устроившись в уголке, уничтожал кошачий обед. Отзвуки этой голодной жизни в Петербурге мы найдем во многих его произведениях, и в частности в рассказе «Блаженный» (1896).

В разгар экзаменов по распоряжению командующего Киевским военным округом генерала Драгомирова Куприн был отозван в полк. Причиной послужило его столкновение на пути в Петербург с околоточным надзирателем, грубая назойливость которого закончилась для него вынужденным купанием в Днепре. Вернувшись в полк, Куприн подает прошение об отставке, получает ее и к осени 1894 года оказывается в Киеве. Он много печатается в местных и провинциальных газетах («Киевском слове», «Киевлянин», «Волыни»), пишет рассказы, очерки, заметки. Итогом этого беспокойного полуписательского, полурепортерского прозябания были два сборника очерков «Киевские типы» (1896) и рассказов «Миниатюры» (1897).

Первое, что бросается в глаза, когда знакомишься с купринскими произведениями 1890-х годов, это их неравноценность. Рядом с неприхотливыми, даже не рассказами в собственном смысле слова, а эскизами, очерками, набросками, в которых, однако, ощущаешь подлинные, как бы не остывшие жизненные впечатления, оказываются многочисленные рассказы, где заметно тяготение к штампу, традиционной мелодраматичности. В ранних произведениях Куприна, необычайно пестрых, разностильных, подчас несопоставимых по художественному значению, сказывается недостаточное знание жизни, да, наконец, и просто слабость общей культуры. О тех опасностях, какие подстерегали талант молодого писателя, проницательно отозвался много позже Бунин: «...выйдя из полка и кормясь потом действительно самыми разнообразными трудами, он кормился, между прочим, при какой-то киевской газетке не только журнальной работой, но и “рассказишками”. Он мне говорил, что эти “рассказишки” он сбывал “за сущие гроши, разумеется, но очень легко”, а писал и того легче, “на бегу, на лету, посвистывая” — и ловко попадая, по своей талантливости, во вкус редактору и читателям... Я сказал: “по своей талантливости”. Нужно сказать сильнее: по своей чрезвычайной талантливости. Всем известно, в какой среде он рос, где и как провел свою молодость и с какими людьми общался главным образом всю свою последующую жизнь. А что он читал? И где и когда?»

Примеров «потрафления» вкусам публики у молодого Куприна, к сожалению, немало. Это прежде всего рассказы, где изображаются «р-р-роковые» страсти, где мелодрама принудительно делит героев на воплощенные благородства и злодейства. Такого уже упоминавшееся первое печатное произведение Куприна — «Последний дебют». Эту же «душещипательную» традицию продолжают некоторые рассказы 1890-х годов («Впотьмах», «Лунной ночью», «Странный случай»). Пройдет немного времени, и Куприн

резко высмеет собственные литературные штампы («По заказу», 1901). Преодолению литературщины, заемных мелодраматических трафаретов и расхожих описаний способствовало подлинное познание жизни. В автобиографии писателя приведен поистине устрашающий список тех занятий, какие он перепробовал, расставшись с военным мундиром: был репортером, управляющим на постройке дома, разводил табак «махорку-серебрянку» в Волынской губернии, служил в технической конторе, был псаломщиком, подвизался на сцене, изучал зубоврачебное дело, хотел было даже постричься в монахи, служил в артели по переноске мебели фирмы некоего Лоскутова, работал по разгрузке арбузов и так далее. Сумбурные, лихорадочные метания, смена «специальностей» и должностей, частые разъезды по стране, обилие новых встреч — все это дало Куприну неисчерпаемое богатство впечатлений, — требовалось художественно обобщить их.

В приведенном списке первым стоит: репортер. И это не случайно. Репортерская работа в киевских газетах — судебная и полицейская хроника, писание фельетонов, передовиц и даже «корреспонденции из Парижа» — была главной литературной школой Куприна. К амплу репортера он сохранил навсегда теплое отношение.

Умение «видеть все», поразительные наблюдательность и память были даны Куприну от природы; работая «пожарным строчилой», он только развивал эти качества. Сохранился любопытный рассказ некоей дамы-писательницы, которая в ранней молодости встретила в провинции на каком-то общественном балу с безвестным пехотным офицером Куприным. Прошло лет двадцать, и вот уже в Петербурге писатель, увидев ее, подошел, назвал по имени-отчеству и напомнил об их знакомстве. Она удивилась: «Неужели вы меня узнали?..» Куприн засмеялся и подробно описал, какое платье, какого цвета и фасона, было на ней в тот вечер, двадцать лет тому назад.

Стоит ли поэтому удивляться, с какими поразительными подробностями запечатлены в прозе Куприна военные всех рангов — от рядового до генерала, — артисты цирка, босяки, квартирные хозяйки, студенты, певчие, лжесвидетели, воры. Примечательно, что в этих произведениях Куприна, передающих его живой опыт, интерес писателя направлен не на исключительное событие, а на явление, многократно повторяющееся, на подробности быта, воссоздание среды во всех ее незаметных мелочах, воспроизведение величественной и безостановочной «реки жизни». Писатель не ограничивает свою задачу меткими, но незамысловатыми «зарисовками с натуры». В отличие от популярных газетных очеркистов конца XIX века он художественно обобщает действительность. И когда в 1896 году, поступив заведующим учетом кузницы и столярной мастерской (на один из крупнейших сталелитейных и рельсопрокатных заводов Донецкого бассейна), Куприн пишет цикл очерков о положении рабочих, одновременно с ними складываются контуры первого крупного произведения — повести «Молох».

В прозе Куприна второй половины 1890-х годов «Молох» выделяется как страстное, прямое обвинение капитализма. Повесть была не только этапом в идейном развитии писателя, но и важной ступенью в его художественной эволюции. Это была уже во многом настоящая «купринская» проза с ее, по словам Бунина, «метким и без излишества щедрым языком». Так начинается стремительный творческий расцвет Куприна, создавшего на стыке двух веков едва ли не все самые значительные свои произведения. Талант Куприна, недавно еще разменивавшийся на ниве дешевой беллетристики, обретает уверенность и силу. Вслед за «Молохом» появляются произведения, выдвинувшие писателя в первые ряды русской литературы: «Прапорщик армейский» (1897), «Олеся» (1898) и затем, уже в начале XX столетия, — «В цирке» (1901), «Конокрады» (1903), «Белый пудель» (1903) и повесть «Поединок» (1905).

В 1901 году Куприн приезжает в Петербург. Позади годы скитаний, калейдоскоп причудливых профессий, неустроенная жизнь. В Петербурге перед писателем открыты двери редакций наиболее популярных тогдашних «толстых» журналов — «Русского богатства» и «Мира Божьего». В 1897 году Куприн познакомился с Буниным, несколько

позднее — с Чеховым, а в ноябре 1902 года — с Горьким, давно уже пристально следившим за молодым писателем. Наезжая в Москву, Куприн посещает основанное Н.Д. Телешовым литературное объединение «Среда», сближается с широкими писательскими кругами. Руководимое Горьким демократическое издательство «Знание» выпускает в 1903 году первый том рассказов Куприна, положительно встреченных критикой.

Среди петербургской интеллигенции особенно сближается Куприн с руководителями журнала «Мир Божий» — редактором его, историком литературы Ф.Д. Батюшковым, критиком и публицистом А.И. Богдановичем и издательницей А.А. Давыдовой, высоко ценившей талант Куприна. В 1902 году писатель женится на дочери Давыдовой, Марии Карловне. Некоторое время он деятельно сотрудничает в «Мире Божьем» и как редактор, а также печатает там ряд своих произведений: «В цирке», «Болото» (1902), «Корь» (1904), «С улицы» (1904), но к редакторской работе, мешавшей его творчеству, скоро охладевает.

В творчестве Куприна в эту пору все громче звучат обличительные ноты. Новый демократический подъем в стране вызывает у него прилив творческих сил, крепнущее намерение осуществить давно задуманный замысел — «хватить» по царской армии, этому средоточию тупости, невежества, бесчеловечности, праздно-изнурительного существования. Так накануне первой революции складывается крупнейшее произведение писателя — повесть «Поединок», над которой он начал работать весной 1902. Работа над «Поединком» протекала с наибольшей интенсивностью зимой 1905 года, в грозовой атмосфере революции. Ход общественных событий торопил писателя.

Уверенность в себе, в своих силах Куприн, человек крайне мнительный и неуравновешенный, находил в дружеской поддержке М. Горького. Именно к этим годам (1904–1905) относится пора их наибольшего сближения.

«Теперь, наконец, когда уже все окончено, — писал Куприн Горькому 5 мая 1905 года, после завершения «Поединка», — я могу сказать, что все смелое и буйное в моей повести принадлежит Вам. Если бы Вы знали, как многому я научился от Вас и как я признателен Вам за это».

«Поединок» стал крупнейшим литературным событием, прозвучавшим более злободневно, чем свежие вести «с маньчжурских полей» — военные рассказы и записки «На войне» очевидца В. Вересаева или антимилитаристский «Красный смех» Л. Андреева, хотя купринская повесть описывала события примерно девятилетней давности. Благодаря глубине поднятых проблем, беспощадности обличения, типичности персонажей, «Поединок» во многом предопределил дальнейшую трактовку военной темы.

Появившись в годы революционного подъема, «Поединок» не мог не оказывать на читателей, в том числе офицеров, сильного идейного влияния.

«Великолепная повесть! — заявил в беседе с корреспондентом «Биржевых ведомостей» М. Горький, — Я полагаю, что на всех честных, думающих офицеров она должна произвести неотразимое впечатление... В самом деле, изолированность наших офицеров — трагическая для них изолированность. Куприн оказал офицерству большую услугу. Он помог им до известной степени познать самих себя, свое положение в жизни, всю его ненормальность и трагизм».

Незадолго до этого интервью, 18 июня 1905 года, группа петербургских офицеров послала писателю сочувственный адрес за высказанные в «Поединке» мысли. В октябре того же года Куприн, отдохнувший в Крыму, выступил на студенческом вечере с чтением отрывков из своей повести. За кулисы пришел морской офицер и стал выражать благодарность писателю за «Поединок». Знакомый Куприна, врач Е.М. Аспиз, вспоминал:

«..Александр Иванович, проводив этого офицера, долго смотрел ему вслед, а потом обратился к нам со словами: “Какой-то удивительный, чудесный офицер”. Через месяц, когда вспыхнуло восстание на крейсере «Очаков», возглавленное лейтенантом П.П. Шмидтом, писатель по фотографиям из газет узнал в руководителе восстания разговаривавшего с ним “чудесного офицера”».

Куприн был очевидцем очаковского восстания. На его глазах ночью 15 ноября крепостные орудия Севастополя подожгли революционный крейсер, а каратели с пристани расстреливали из пулеметов и приканчивали штыками матросов, пытавшихся вплавь спастись с пылающего корабля. Потрясенный увиденным, Куприн откликнулся на расправу вице-адмирала Чухнина с восставшими гневным очерком «События в Севастополе», опубликованным в петербургской газете «Наша жизнь» 1 декабря 1905 года. После появления этой корреспонденции Чухниным был отдан приказ о немедленной высылке Куприна из Севастопольского округа. Одновременно вице-адмирал возбудил против писателя судебное преследование; лишь после допроса у судебного следователя Куприну разрешили выехать в Петербург.

Вскоре после севастопольских событий в окрестностях Балаклавы, где жил Куприн, появилась группа из восьмидесяти матросов, добравшихся до берега с «Очакова». В судьбе этих измученных усталостью и преследованием людей Куприн принял самое горячее участие: доставал им штатское платье, помог сбить со следа полицию. Частично эпизод со спасением матросов отражен в рассказе «Гусеница» (1918), но там «заводилой» выведена простая русская женщина Ирина Платоновна, а «писатель» оставлен в тени. В воспоминаниях Аспиза есть существенное уточнение: «Честь спасения этих матросов-очаковцев принадлежит исключительно Куприну».

Бодростью, верой в будущее России, художественной зрелостью проникнуто творчество Куприна этой поры. Он пишет рассказы «Штабс-капитан Рыбников» (1905), «Сны» (1905), «Тост» (1906), начинает работу над очерками «Листригоны». В ряде произведений и прежде всего в рассказе «Гамбринус» (1906) запечатлена революция, ее «выпрямляющая» атмосфера. За Куприным устанавливается постоянный полицейский надзор. Как никогда, высока общественная активность писателя: он выступает на вечерах с чтением отрывков из «Поединка», выставляет свою кандидатуру в выборщики в первую Государственную думу. Он открыто заявляет в притче «Искусство» (1906) о благотворности воздействия революции на творчество художника. Однако, приветствуя «пролетарскую весну», Куприн видел в ней путь к утопическому и смутному строю, «всемирному анархическому союзу свободных людей» («Тост»), осуществление которого отдалено целой тысячью лет.

В течение первого десятилетия 1900-х годов талант Куприна достигает наивысшего расцвета. В 1909 писатель получил за три тома художественной прозы академическую Пушкинскую премию, поделив ее с Буниным. В 1912 году в издательстве Л.Ф. Маркса выходит собрание его сочинений в приложении к популярному журналу «Нива». В противовес все сильнее свирепствовавшему декадансу, талант Куприна остается и в эту пору реалистическим, в высшей степени «земным» художественным даром.

Однако годы реакции не прошли бесследно для писателя. После разгрома революции у него заметно падает интерес к политической жизни страны. Нет и прежней близости с М. Горьким. Свои новые произведения Куприн помещает не в выпусках «Знания», а в «модных» альманахах — арцыбашевской «Жизни», символистском «Шиповнике», эклектичных сборниках московского книгоиздательства писателей «Земля». Если говорить об известности Куприна-писателя, то она в эти годы все продолжает расти, достигая своей высшей точки. По существу же, в его творчестве 1910-х годов уже заметны тревожные симптомы кризиса. Произведения Куприна этих лет отличаются крайней неравноценностью. После проникнутого активным гуманизмом «Гамбринуса» и поэтической «Суламифи» (1908) он выступает с рассказом «Морская болезнь» (1908), вызвавшим протест демократической общественности. Рядом с «Гранатовым браслетом» (1911), где воспевается самоотверженное, святое чувство, он создает блеклую утопию «Королевский парк» (1911), в которой надежда на добровольный отказ правителей от власти звучит особенно фальшиво, так как появилась она вскоре после жестокого подавления революции 1905–1907. Вслед за полнокровно-реалистическим циклом очерков «Листригоны»

(1907–1911), проникнутым жизнерадостным чувством и напоенным ароматами Черного моря, появляется фантастическая повесть «Жидкое солнце» (1912), несколько необычная для Куприна по экзотичности материала (действие ее происходит сначала в Лондоне, а затем в Южной Америке, на вершине потухшего вулкана), в которой звучит отчаяние перед всемогущей властью капитала, неверие в будущее человечества, сомнения в возможности социального переустройства общества.

Атмосфера, в которой жил Куприн в эти годы, мало способствовала серьезному литературному труду. Современники с неодобрением рассказывают о бурных кутежах Куприна в «литературных» ресторанах «Вена» и «Капернаум», возмущаются упоминанием его имени в бульварном альбомчике, изданном рестораном «Вена». А дешевый литературный кабачок «Давыдка», по словам Е.М. Аспиза, одно время и вовсе «стал резиденцией Куприна... куда, как говорили, направляли даже корреспонденцию на его имя». К популярному писателю льнули подозрительные личности, репортеры желтой прессы, ресторанные завсегдатаи. Время от времени Куприн замыкался для работы в Гатчине, либо Ф. Батюшков приглашал его в свое имение Даниловское, или сам писатель «спасался» от петербургских «друзей» в Балаклаве.

Литературному труду Куприна мешала еще и постоянная нехватка денег, к тому же прибавились и семейные заботы. После поездки в 1907 в Финляндию он женится вторично, на племяннице Д.Н. Мамина-Сибиряка, Елизавете Морицовне Гейнрих. Растет семья, а вместе с ней — долги. Поневоле на вершине своей литературной славы писатель вынужден был возвращаться к молниеносным темпам чернорабочей журналистики времен своей неустроенной киевской жизни. Такими были условия, в которых он работал над созданием большой повести «Яма».

Эта новая повесть Куприна раскрывала мрачный, мало освещенный литературой мир официальных притонов, изнанку большого города. Она будила сочувствие к положению «белых рабынь», заточенных в домах терпимости и подвергавшихся каждодневным унижениям. Однако ни гуманистическая устремленность повести, ни выпуклые характеристики многочисленных персонажей — ничто не могло восполнить основного недостатка «Ямы» — ее натуралистичности, мелодраматизма, некоторой сентиментальности, наряду с журналистской очерковостью в обработке огромного жизненного материала. Произведение получилось рыхлым, перегруженным описаниями, побочными эпизодами.

Противоречивость творчества Куприна 1910-х отражала растерянность писателя, его неуверенность и непонимание происходящего. И когда началась русско-германская война, он оказался в числе тех литераторов, которые восприняли ее как «отечественную» и «освободительную». В патриотическом угаре Куприн вновь надевает мундир поручика. Призванный в армию, писатель, по словам корреспондента, «накупил уставов, собрал все циркуляры, мечтает попасть со своей дружиной в дело». Приподнятое душевное состояние, ожидание благотворных последствий «очистительной» войны продолжается у Куприна до конца 1915 года. Демобилизовавшись по состоянию здоровья, он организует на личные средства в своем гатчинском доме военный госпиталь. В эту пору Куприн пишет ряд патриотических статей, художественное же его творчество почти иссякает, причем в немногочисленных его произведениях этих лет знакомые по прежнему творчеству темы утрачивают социальную остроту.

Персонажи прежних произведений писателя, как ни была их жизнь, были окрылены возвышенными желаниями, они мечтали о необыкновенной любви, воинской доблести, о творческом даре. Помыслы подпоручика Ромашова, прапорщика Лапшина, почтового чиновника Желткова, инженера Боброва неосуществимы, они терпят страшное крушение в столкновении с жестокой действительностью. Но вот силой колдовских чар исполнимо «каждое желание» крошечного канцелярского служащего. Однако фантастические ситуации, в которые попадает Иван Степанович Цвет, вызывают у него лишь одно желание:

вернуться в свою комнату-гроб, к своей жилкой должности, уютному прозябанию (повесть «Звезда Соломона», 1917).

Так в предреволюционную пору, в обстановке творческого кризиса, завершается главный период писательской деятельности Куприна, когда были созданы самые значительные его произведения.

В обширном литературном наследии Куприна то оригинальное, купринское, что принес с собой писатель, лежит на поверхности. По мнению современников, его всегда спасает инстинкт природного здорового дарования, органический оптимизм, жизнелюбие, любовь к жизни. Такое мнение, бесспорно, имело основание. Через все творчество Куприна проходит гимн природе, «натуральной» красоте и естественности. Отсюда его тяга к цельным, простым и сильным натурам. Борец Арбузов, спокойный и добрый гигант («В цирке»); бесстрашный конокрад Бузыга, у которого «все ребра срослись до самого пупа» («Конокрады»), отважный атаман рыбацкого баркаса Коля Костанди, «настоящий соленый грек, отличный моряк и большой пьяница» («Листригоны»); тяжеловесный и могучий «балагула», ямщик и контрабандист Мойше Файбиш («Трус»), — писатель откровенно любит этими отважными людьми, как любит он серебристо-стальным красавцем, четырехлетним жеребцом Изумрудом, у которого ноги и тело «безупречные, совершенных форм» («Изумруд»), или прекрасной рыжекудрой Суламифью, «высокой и стройной, в сильном расцвете тринадцати лет» («Суламифь»). При этом культ внешней, физической красоты становится для писателя средством обличения той недостойной действительности, в которой эта красота гибнет. Умирает атлет Арбузов, само совершенство телесной гармонии. Отравлен замечательный рыбак Изумруд, унижена и сломлена красавица Щербачева, до полусмерти избитая извергом мужем («Мирное житие»).

И все же, несмотря на обилие драматических ситуаций, в произведениях Куприна бьют ключом жизненные соки, преобладают светлые, оптимистические тона. Он радуется бытию детски непосредственно, «как кадет на каникулах», по меткому замечанию В. Львова-Рогачевского. Таким же здоровым жизнелюбцем, что в творчестве, предстает и в личной жизни этот крепкий, приземистый человек с узенькими зоркими серо-синими глазками на татарском лице, которое кажется не таким круглым из-за небольшой каштановой бородки. Впечатление Л. Толстого от знакомства с Куприным: «Мускулистый, приятный... силач». И в самом деле, с какой страстью отдается Куприн всему, что связано с испытанием крепости собственных мускулов, воли, что сопряжено с азартом и риском. Он словно стремится растратить запас не израсходованных в пору его бедного детства жизненных сил. Организует в Киеве атлетическое общество. Вместе с известным спортсменом Сергеем Уточкиным поднимается в небеса на воздушном шаре. Опускается в водолазном костюме на морское дно. Летит с Иваном Заикиным на самолете «Фарман». Сорока трех лет вдруг всерьез начинает учиться стильному плаванию у мирового рекордсмена Л. Романенко. Страстный любитель лошадей, цирк предпочитает опере.

Во всех этих увлечениях что-то азартно-детское. Вот, живя в деревне, он получает из Петербурга охотничье ружье. Тут же заброшена работа над новым крупным произведением — романом «Нищие». «...Присылка ружья, — с тревогой сообщает Мария Карловна 22 июня 1906 года Батюшкову, — произвела неожиданный перерыв в рабочем настроении Александра Ивановича, и он целыми днями бродит по окрестностям с ружьем». Его друзья: борцы Иван Поддубный и Заикин, спортсмен Уточкин, знаменитый дрессировщик Анатолий Дуров, клоун Жакомино, рыбак Коля Костанди. Живя из года в год в Балаклаве, Куприн сразу «сдружился» с некоторыми рыбацкими «атаманами», которые славились своей отвагой, удачливостью и храбростью. Он охотнее работает на баркасе веслом или сидит среди рыбаков в кофейне, чем встречается с местной интеллигенцией, жаждущей поговорить о «высоких материях». Та же картина и во время поездки Куприна в 1912 году за границу. В Ницце, например, он быстро

подружился с кучерами, шоферами, рабочими...

Но есть что-то лихорадочное, напряженное в поспешной смене всех этих увлечений — французской борьбой и погружением в скафандре под воду, охотой и стилем «кросс», тяжелой атлетикой и свободным воздухоплаванием. Словно в Куприне жило два человека, мало друг на друга похожие, а современники, поддавшиеся впечатлению одной, наиболее явной стороны его личности, оставили о нем неполную истину. Лишь наиболее близкие писателю люди сумели разглядеть эту двойственность.

Если же мы обратимся к творчеству Куприна, то здесь бросается в глаза знаменательное противоречие: те сильные, здоровые жизнелюбцы, к которым как будто был так близок писатель по складу своей личности, в его произведениях отеснены на задний план, преимущественное же внимание уделено героям, внешне имеющим с ними мало общего. Вот они перед нами — персонажи, которым Куприн доверяет все свои самые заветные помыслы, которые разделяют его сокровенные мысли, радости, страдания: инженер Бобров, наделенный «нежной, почти женственной натурой» («Молох»), «стыдливый... очень чувствительный» Лапшин («Прапорщик армейский»); «добрый», но «слабый» Иван Тимофеевич («Олеся»); «чистый, милый», но «слабый» и «жалкий» подпоручик Ромашов («Поединок»). Где уж тут «неисправимый оптимизм», «неистребимый дикарь», «особенное жизнерадостное здоровье»!

В каждом из этих героев повторяются сходные черты: душевная чистота, мечтательность, пылкое воображение, соединенные с полнейшей непрактичностью и безволием. Но, пожалуй, яснее всего раскрываются они, освещенные любовным чувством. Все они относятся к женщине с сыновней чистотой и благоговением. Устами армейского нищееанца Назанского, в одном из его бурных монологов («Поединок»), Куприн демонстративно идеализирует безнадежно платоническое чувство: «...сколько разнообразного счастья и очаровательных мучений заключается в... безнадежной любви? Когда я был помоложе, во мне жила одна греза: влюбиться в недостижимую, необыкновенную женщину, такую, знаете ли, с которой у меня никогда и ничего не может быть общего. Влюбиться и всю жизнь, все мысли посвятить ей». Вместо сильной личности перед нами в окружении жестокого бесчеловечного мира появляется нелепо трогательный со своей жаждой «святого» чувства ущемленный человек.

Любовь до самоунижения и — даже — самоуничтожения, готовность погибнуть во имя любимой женщины — тема эта, тронутая неуверенной рукой в рассказе «Странный случай» (1895), расцветает в волнующем, мастерски выписанном «Гранатовом браслете» (1911). Стремясь воспеть красоту высокого, но заведомо безответного чувства, на которое «способен, быть может, один из тысячи», Куприн, однако, наделяет этим чувством мелкого чиновника Желткова. Его любовь к княгине Вере Шейной безответна, не способна «выпрямить», окрылить его. Замкнутая в себе, эта любовь не обладает творческой, созидательной силой. «Случилось так, что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей, — пишет Желтков перед смертью предмету своего поклонения, — для меня вся жизнь заключается только в вас». Богатство души Желткова не оборачивается ли ее бедностью?

Романтическое поклонение женщине, рыцарское служение ей противостояло в произведениях Куприна циничному глумлению над чувством, живописанию разврата, который под видом освобождения от мещанских условностей проповедовал в годы общественной реакции Арцыбашев или Анатолий Каменский. Но в целомудрии Купринских героев есть что-то надрывное, а в их отношении к любимой зачастую поражает одна знаменательная аномалия. «Роман наш, — сообщает подруге хищная кокетка Кэт («Прапорщик армейский»), — вышел очень простым и в то же время оригинальным. Оригинален он потому, что в нем мужчина и женщина поменялись своими постоянными ролями. Я нападала, он защищался». Поменялись ролями и энергичная, волевая «полесская колдунья» Олеся с «добрым, но только слабым» Иваном Тимофеевичем («Олеся»),

и умная, расчетливая Шурочка Николаева с «чистым и добрым» Ромашовым («Поединок»). Недооценка себя, неверие в свое право на обладание женщиной, судорожное желание замкнуться — эти черты дорисовывают купринского героя с хрупкой душой, попавшего в жестокий мир. Своей незащитной ранимостью, своей способностью болезненно остро переживать любую несправедливость, тонкостью душевной организации они напоминают нам не жизнерадостного, грубовато-здорового «взрослого» Куприна в традиционном описании современников, а чуткого к страданиям, мечтательного Куприна-ребенка, заточенного в мрачные казарменные стены.

Пройдя еще в детстве через ряд разнообразных жизненных испытаний, принужденный приспособиться к жестокой среде, Куприн сберег в душе неспособность причинять боль, сохранил в чистоте бескомпромиссный гуманизм. «Мускулистый, приятный силач», кутила, жизнелюбец — это, очевидно, было лишь полправды (недаром, читая «Поединок», Л. Толстой обронил фразу: «Куприн в слабого Ромашова вложил свои чувства»). Ее дополняет обостренная жалость к страдающим людям, давшая такие поразительные страницы, как встреча Ромашова в «Поединке» с затравленным и больным солдатом Хлебниковым, ищущим смерти на железнодорожных путях. Кастовые офицерские предрассудки, вбивавшиеся в голову Ромашову и в кадетском корпусе, и в юнкерском училище, падают в мгновение ока, когда подпоручик, мучимый виноватой жалостью и ответственностью за человеческую жизнь, изуродованную на его глазах, обращается к Хлебникову со словами: «Брат мой». И тот же купринский гуманизм ярко окрашивает все произведения о детях, с отзывчивостью приходит на помощь их горю («Белый пудель», «Слон», «Храбрые беглецы» и так далее). Небезынтересно отметить, что Куприн-писатель идет и здесь своим путем. Стоит только сопоставить, к примеру, горьковского «Деда Архипа и Леньку» с «Белым пуделем», как становится очевидной разница уже в подходе к самой теме. У Горького — протест нищего мальчика против стяжательства, которое разъедает по-своему доброго деда Архипа, пробуждение человеческого достоинства в маленькой душе Леньки. У Куприна — воспевание честной бедности, солидарности «гуттаперчевого мальчика» Сережи, четвероногого артиста Арто и веселого, бескорыстного босяка дедушки Лодыжкина в столкновении с богатыми, перекормленными дачниками и их прислугой. Мир Горького жестче, трагичнее, а герои активнее. У Куприна же — добрая грусть и сострадание к бездомным артистам не мешает «счастливому» концу.

Едва ли не наиболее «традиционный» писатель реалистического крыла русской литературы, Куприн запечатлел психологию героя-правдолюбца, родственного персонажам Тургенева, Толстого, Чехова, Гаршина. Однако как ярко сказалась в его творчестве, принадлежащем уже новому, XX столетию, недостаточность традиционного подхода к действительности и традиционного героя! Эпоха требовала от художника активно воздействовать на жизнь, всемерно поддерживать социальные преобразования. Горьковские рабочие, бунтари и агитаторы, уже несли динамит своих идей в своекорыстный и затхлый мир, а Куприн в ту же пору был вынужден беспомощно наблюдать, как друг за другом гибнут его герои во враждебной им среде.

Для стиля Куприна характерна верность реалистическим заветам. Даровитейший писатель, он обладал многообразием стилевых манер, но даже во многих лучших его произведениях заметно следование какой-либо уже утвердившейся традиции. Так, рассказ «Мирное житие», высоко оцененный Л. Толстым, близок «Человеку в футляре» Чехова; «Собачье счастье» заставляет вспомнить ранние аллегорические произведения Горького, эпитафия к «Изумруд» («Посвящаю памяти несравненного пегого рысака Холстомера») недвусмысленно указывает на произведение, которое оказало влияние, — повесть Л. Толстого.

Прослеживая хронологически произведения Куприна, видно, как постепенно все увереннее и резче становится его перо, как отступают банальные описания и почти на нет

сводятся красоты и мелодраматические издержки. В его творчестве все очевиднее становится приверженность к отложившимся напластованиям быта. Художественному дару писателя было в высшей степени свойственно подробное изображение какого-либо устойчивого, прочно сложившегося профессионального уклада — военного, заводского, рыбацкого, циркового, чиновничьего, или национального быта — русского, украинского, еврейского, белорусского. Купринский стиль формируется отличным образом от чеховского или, скажем, бунинского. Впечатление у читателя рождается уже от одной точности названия. Изредка и у Куприна останавливает внимание меткая метафора — «узенькая семговая полоска зари», — так и видишь отливающую оранжевым тяжелым жиром полость неба. Обычно же он накапливает множество бытовых черточек, необходимых в том художественном ансамбле, в той величественной картине повседневности, которая складывается в результате. Художественная наблюдательность Куприна далека от, условно говоря, импрессионизма в прозе, чужда щедрой метафоризации. Там, где Бунин напишет: «чайки, как яичная скорлупа», «море пахло арбузом» и так далее, Куприн скажет просто: «среди мусора, яичной скорлупы, арбузных корок и стад белых морских чаек». В его прозе почти невозможно найти далеких уподоблений, но эта локальная, частная безобразность (при безукоризненной точности языка) не мешает созданию итогового образа — в данном случае образа огромного морского порта в «Гамбринусе».

Подобно большинству своих современников, писателей-реалистов XX века, Куприн явился мастером «малых» форм прозы — рассказа, короткой повести, оставив нам классические образцы этих жанров. Часто, ведя художественный поиск, писатель отправляется от факта, который сам по себе незначителен, — от «случая из жизни», анекдота и так далее. Но, обрастая великолепными подробностями, запоминающимися мелочами, каждый факт приобретает дополнительную глубину и емкость.

Февральская революция, которую Куприн встретил восторженно, застала его в Гельсингфорсе. Он немедленно выезжает в Петроград, где вместе с критиком П. Пильским некоторое время редактирует эсеровскую газету «Свободная Россия». В его художественных произведениях этой поры (рассказы «Храбрые беглецы», «Сашка и Яшка», «Гусеница», «Звезда Соломона») нет прямых откликов на бурные события, переживаемые страной. Сочувственно встретив Октябрьскую революцию, Куприн сотрудничает, однако, в буржуазных газетах «Эра», «Петроградский листок», «Эхо», «Вечернее слово», где выступает с политическими статьями «Пророчество», «Сенсация», «У могилы» (памяти видного большевика М.М. Володарского, убитого эсером), «Памятники» и так далее. В этих статьях сказывается противоречивая позиция писателя. Сочувствуя грандиозной программе преобразования старой России, разработанной Лениным, он сомневается в своевременности проведения этой программы в жизнь.

Еще в рассказе «Гост» (1906) Куприн приветствовал будущее свободное общество «гордых, смелых, равных, веселых» людей, сбросивших цепи угнетения, перестроивших мир, относя это общество к 2906 году. Когда же на его глазах проявились такие черты нового строя, которые никак не соотносились с тем, что ему мыслилось, Куприн занял выжидательную позицию. Правда, к концу 1918 года в этой позиции Куприна происходят известные сдвиги. Речь идет не только о его сотрудничестве в организованном Горьким издательстве «Всемирная литература» (Куприн перевел для издательства белыми стихами трагедию Шиллера «Дон Карлос» и написал обширное предисловие к подготавливаемому Собранию сочинений Дюма-отца), но прежде всего о замысле специальной газеты для крестьян — «Земля».

Стечение случайных обстоятельств приводит Куприна, однако, в стан эмиграции. Летом 1920 года он оказывается в Париже.

Творческий спад, вызванный эмиграцией, продолжался до середины 20-х годов. И лишь приблизительно с 1927 года, когда выходит сборник Куприна «Новые повести и рассказы», можно говорить о последней полосе его относительно напряженного

художественного творчества. Вслед за этим сборником появляются книги «Купол святого Исаакия Далматского» (1928) и «Елань» (1929). Рассказы, публиковавшиеся в газете «Возрождение» в 1929–1933, входят в сборники «Колесо времени» (1930) и «Жанета» (1932–1933). С 1928 года Куприн печатает главы из романа «Юнкера», вышедшие отдельным изданием в 1933 году.

Писатель чувствовал, что оторванность от родины губительно сказывается на его творчестве. «Прекрасный народ, – заметил он о французах, – но не говорит по-русски, в лавочке и в пивной — всюду не по-нашему... А значит это вот что — поживешь, поживешь, да и писать перестанешь.

Есть, конечно, писатели такие, что их хоть на Мадагаскар посылай на вечное поселение — они и там будут писать роман за романом. А мне все надо родное, всякое — хорошее, плохое, только родное». В этом, быть может, проявилась особенность художественного склада Куприна. Он накрепко, больше, нежели даже И. Бунин, Б. Зайцев или И. Шмелев, был привязан к малым и великим сторонам русского быта, многонационального уклада страны.

Но теперь родной быт исчез, — исчезли рабочие, подневольные страшного Молоха, исчезли великолепные в труде и разгуле крымские рыбаки, философствующие армейские поручики и замордованные рядовые. Перед глазами Куприна не привычный пейзаж оснеженной Москвы, не панорама дикого Полесья, а чистенький «Буа-булонский лес» или такая нарядная и такая чужая природа французского Средиземноморья. Он делает очерковые зарисовки, создает цикл миниатюр «Мыс Гурон» (1929), очерки о Югославии, «Париж домашний», «Париж интимный» (1930) и так далее.

Однако самое «вещество поэзии» Куприн способен найти только во впечатлениях от родной, русской действительности. Напрасно художник старается по памяти восстановить знакомый уклад и силой воображения вдвинуть его в чужой мир. Быт уходит, как сквозь пальцы песок. Он дробится на мелкие крупинки, на капли. Недаром цикл своих миниатюр в прозе, вошедших в сборник «Елань», писатель так и называет: «Рассказы в каплях». Он помнит множество драгоценных мелочей, связанных с родиной, — помнит, что «еланью» зовется «загиб в густом сосновом лесу, где свежо, зелено, весело, где ландыши, грибы, певчие птицы и белки» («Елань»), что «вереей» куртинские мужики называют холм, торчащий над болотом. Он помнит, как с кротким звуком «Пак!» (словно «дитя в задумчивости разомкнуло уста») лопаются весенней ночью набрякшая почка («Ночь в лесу», 1931) и как вкусен кусок черного хлеба, посыпанный крупной солью («У Троице-Сергия»). Но эти детали подчас остаются мозаикой — каждая сама по себе, каждая — отдельно.

Прежние, «купринские», мотивы вновь звучат в его прозе. Новеллы «Ольга Сур» (1929), «Дурной каламбур» (1929), «Блондель» (1933) как бы завершают целую линию в изображении писателем цирка, в прославлении простых и благородных людей — борцов, наездников, акробатов, дрессировщиков, клоунов. Вслед знаменитым «Листригонам» он пишет в эмиграции рассказ «Светлана» (1934), вновь воскрешающий колоритную фигуру балаклавского рыбацкого атамана Коли Костанди. И природа, в тихой красоте ее весенних ночей и вечеров, в разнообразии повадок ее населения — зверя, птицы, вплоть до самых малых детей леса, — по-прежнему вызывает у Куприна восхищение и жадный художнический азарт («Ночь в лесу», «Вальдшнепы», 1933). Уже тяжело больной, Куприн замышляет создать книгу о животных — «Друзья человечества». Ему удалось написать для задуманной книги лишь один рассказ — «Ральф».

Прославлению великого «дара любви», чистого, бескорыстного чувства (что было лейтмотивом множества прежних произведений писателя), посвящена повесть «Колесо времени» (1930). Герой ее, русский инженер «Мишика» (как его называет прекрасная француженка Мари), — это все тот же «проходной» персонаж творчества Куприна, добрый, вспыльчивый, слабый. Он поздний родной брат инженера Боброва, прапорщика

Лапшина, подпоручика Ромашова. Но он грубее их, «приземленнее», и его жгучее, казалось бы, необыкновенное по силе чувство лишено той одухотворенности и целомудрия, какими освятили свое отношение к любимой знакомые нам персонажи. Это более заурядная, плотская страсть, которая, быстро исчерпав себя, начинает тяготить героя, не способного к длительному чувству. Недаром сам «Мишика» говорит о себе: «Опустела душа, и остался один телесный чехол».

Куприн — великолепный рассказчик, замечательный по естественности и гибкости интонаций. Он охотно обращается к историческим анекдотам и преданиям, берет готовую канву, расцветивая ее россыпями своего богатого языка. Так рождаются новеллы «Тень Наполеона» (1929), «Четверо нищих» (1929), «Геро, Леандр и пастух» (1929), «Царев гость из Наровчата» (1933). Писатель перебирает в памяти встречи с интересными людьми, своими давними знакомыми — клоуном Жакомино, летчиком Феденькой Юрковым, обаятельным бонвиваном Яшей Бронштейном и так далее. Однако Куприн постоянно чувствует себя заключенным в некий магический круг мелкотемья. И, подобно другим русским писателям, которые, оказавшись на чужбине, обращаются к художественным мемуарам (Бунин создает «Жизнь Арсеньева», А.Н. Толстой пишет в Париже «Детство Никиты», И. Шмелев — «Богомолье» и «Лето Господне», Б. Зайцев — «Путешествие Глеба»), Куприн посвящает своей юности самую крупную и значительную эмигрантскую вещь — роман «Юнкера» (1928–1932).

Военная тема, столь широко представленная в творчестве дореволюционного Куприна, завершается романом о юнкерских годах в Александровском училище. Это лирическая исповедь, в которой писатель передоверяет свои воспоминания, тронутые эмигрантской тоской, наивному юнкеру. Отсюда — осязаемый в романе идиллический привкус. Время сгладило мрачные воспоминания, и, переходя от повести «На переломе» («Кадеты») к «Юнкерам», попадаешь в совершенно другой мир, полный света и поэзии, где быт юнкера романтизирован и подкрашен, а вместе с ним розовые блики ложатся и на всю армейскую службу. Однако «Юнкера» — не просто «домашняя» история Александровского военного училища, рассказанная одним из ее питомцев. Это повесть о старой, «удельной» Москве — Москве «сорока сороков», Иверской часовни и Екатерининского института благородных девиц, вся сотканная из летучих воспоминаний. Сквозь романтическую дымку проступают знакомые силуэты Арбата, Патриарших прудов, Земляного вала. Картины московской жизни в «Юнкерах» — «яростная тризна по уходящей зиме», великолепие бала в Екатерининском институте, быт александровцев — как бы снимают с жизни клише, передающее только розовую краску. К лучшим страницам романа относятся как раз те, где лирика обретает свою внутреннюю оправданность — таковы эпизоды поэтичного увлечения Александра Зиной Бельшевой. И, несмотря на обилие света и празднеств, это — печальная книга. Вновь и вновь, с «неописуемой, сладкой, горьковатой и нежной грустью» писатель мысленно возвращается к родине.

«Живешь в прекрасной стране, среди умных и добрых людей, среди памятников величайшей культуры, — писал он в очерке “Родина”. — Но все точно понарошку, точно разворачивается фильма кинематографа. И вся молчаливая, тупая скорбь в том, что уже не плачешь во сне и не видишь в мечте ни Знаменской площади, ни Арбата, ни Поварской, ни Москвы, ни России». Этим чувством безудержной, хронической ностальгии пронизано последнее крупное произведение Куприна — повесть «Жанета» (1932–1933).

Не задевая, «точно разворачивается фильма кинематографа», проходит мимо старого профессора Симонова, когда-то знаменитого в России, а ныне ютящегося в бедной мансарде, жизнь яркого и шумного Парижа. Смешной и нелепый старик одиноко и бесцельно влачит в чужой стране остаток дней и, чтобы заполнить их пустоту, привязывается к маленькой полунищей девочке Жанете. В старике Симонове есть что-то от самого Куприна. Один из его друзей, писатель Н. Рощин, вспоминал: «Знаменитый русский писатель жил в великой бедности, питаясь подачками от тщеславных “меценатов”,

жалкими грошами, которые платили хапуги-издатели за его бесценные художественные перлы, да не очень прикрытым нищенством в форме ежегодных “благотворительных” вечеров в его пользу».

Литературное наследие позднего Куприна гораздо слабее его дооктябрьского творчества. Это признавали даже враждебные голоса из лагеря эмиграции. Однако лучшие произведения писателя, созданные на чужбине, бесспорно, сохраняют свою немалую эстетическую и познавательную ценность. Как художник Куприн и в эмиграции остался реалистом, пусть сильно ограниченным шорами «того берега», но верным жизненной правде.

До конца своих дней остался Куприн и русским патриотом, которому любовь к родине помогла в конце концов побороть все колебания и сомнения. Писатель твердо решил вернуться в Россию. Все предварительные переговоры взял на себя художник И.Я. Билибин (уже получивший разрешение на въезд в СССР). Предотъездные хлопоты держались семьей Куприна в глубокой тайне. Александр Иванович очень волновался. Уже перед самым отъездом он сказал дочери, что готов был бы пойти в Москву пешком, лишь бы туда вернуться.

31 мая 1937 года Москва встретила старого писателя. Вся страна тотчас же узнала о его приезде.

Однако это уже был совсем не тот Куприн, каким его помнили современники. Уехал он крепким и сильным, а вернулся совсем больным, беспомощным. Тем не менее Куприн надеется написать о новой России. В беседах с корреспондентами советских газет он делится замыслами, радостно переживая возвращение на родину. Он поселяется в голицынском Доме творчества писателей, где его навещают старые друзья, журналисты и просто почитатели его таланта. В конце декабря 1937 года писатель переезжает в Ленинград и живет там, окруженный заботой и вниманием.

Тяжелая болезнь помешала Куприну возобновить творческую работу. 25 августа 1938 года Александр Иванович Куприн скончался.